

Валентина Майстренко

Ищите предков в ликах святых!

...Могучий Енисей нёс свои воды к Северному Ледовитому океану. С неба лил холодный сентябрьский дождь. Сильный ветер с востока бросал его пригоршнями прямо нам в лицо, но, промокшие насквозь, мы никуда не спешили. И когда отзвучала предварительная молитва батюшки, когда посветлели и пояснели освящённые им воды Енисея, вдруг птица, таинственная, не боящаяся дождя, взметнулась в небо и, сделав круг над нами, исчезла. И, словно по взмаху её крыла, двинулись мы прямо в свою крещальную купель — в освящённые воды Енисея...

Как услышать этот зов?

Завершилось таинство крещения в Успенском соборе, в приделе сибирского чудотворца — святителя Иннокентия Иркутского. И каково же было моё изумление, когда позже я узнала, что фамилия святого, взявшего меня, крещаемую, под свой покров, — Кульчицкий. Точно такая же, как у моей мамы! Как и она, он был родом с Украины. В мамин роду были поляки. И он был из обедневших польских дворян из древнего рода Кульчицких, одарил которых титулом и этой фамилией объединитель польских земель король Болеслав Храбрый (967–1025), бывший с ними в родстве. А поскольку происхождение фамилии, скорее всего, связано со словом «пуля», то предки православного светоча России Иннокентия (Кульчицкого) были люди не робкого десятка.

Однажды в беседе с батюшкой я посетовала об утерянных родовых корнях, которые вырывались у нашего народа на протяжении века с лютой беспощадностью. Печально, когда сведения о роде обрываются на прадедах. И енисейский священник Геннадий Фаст, крестивший потом меня в водах Енисея, сказал тогда удивительную фразу: «Но есть ведь ещё народная родословная, родословная Отечества, а в ней столько светлых имён — имён святых православной Церкви! Вглядитесь повнимательнее в их лица, поищите среди них, этих иконных ликов, своих предков. Ищите предков в ликах святых, и они отзовутся! С их помощью обретём мы память если не рода, то народа своего...»

Сподвижник императора Петра Великого

Святитель Иннокентий оказался в Сибири, даже и не предполагая, что такое может быть в его жизни. Кстати, я тоже не думала, что окажусь в Сибири. Но неисповедимы пути Господни. Представитель знатной фамилии, обедневший дворянин Иван Кульчицкий, с юности избрал стезёй служение Богу. По окончании Киевской духовной академии принял монашество с новым именем — Иннокентий. Особенно преуспевал он в словесности и в проповеди слова Божия, поэтому был затребован в Москву, где стал префектом Славянской греко-латинской академии, преподавал философию, богословие, гомиетику — науку красноречия. А вскоре стал особой, приближённой к императору, к самому Петру Первому, был обер-монахом петровского флота, стоял у истоков создания будущей Александро-Невской лавры и будущей столицы Российской империи — Санкт-Петербурга.

Но имперские интересы, а может, и не только они, заставили Петра Великого расстаться со своим фаворитом. Как бы то ни было, но на хиротонии Иннокентия (Кульчицкого) во епископы в Троицком соборе Александро-Невской лавры присутствовал сам всероссийский самодержец. И отправился в марте 1721 года святитель Иннокентий по повелению императора с православной миссией в Китай, куда ходу было целый год. Но на волю царя земного есть воля Царя Небесного. Всё завершилось тем, что китайцы Петрова посланника в свою империю не пустили. «... *Что мне делать: сидеть ли в Селенгинске и ждать того, чего не ведаю, или возвратиться назад?* — вопрошал владыка Иннокентий Священный правительствующий синод. — *Я же на сие время не имам, где главы приклонити. Считаясь бо со двора на двор и из дому в дом переходящи*».

Оставшись без средств к существованию, писал владыка вместе со своим дьяконом иконы для Селенгинского монастыря, который их приютил. Свита архиерея рассеялась: кто промышлял рыболовством, кто подрабатывал на еду у местных крестьян, кто умер. И только в 1725 году, потеряв всю свою свиту, в которой было одиннадцать человек, отправился святитель Иннокентий

по высочайшему повелению в Иркутск, где тоже хлебнул лиха. Только через год получил он кафедру, став первым епископом Иркутским. Правда, без всякого жалования, его начислили слишком поздно, когда архипастырь ни в чём земном уже не нуждался. И в Иркутске святителю тоже негде было главу приклонить, крышу над головой ему удалось получить только в 1728 году.

Прожил владыка Иннокентий здесь немногим более четырёх лет, но благодаря трудам праведника воссияло слово Божие на этой отдалённой от столиц русской земле, появились новокрещёные, новые храмы и новые школы. Чудесами была исполнена жизнь епископа-страдальца при жизни, чудесами отмечена и после ранней его кончины, последовавшей на исходе 1731 года. Ровно через тридцать три года во время ремонта Тихвинской церкви в Вознесенском монастыре обнаружены были святые мощи владыки Иннокентия (Кульчицкого): ни тело его, ни одеяние, ни даже бархатная обивка гроба, оказавшегося в сыром месте, не были тронуты тлением...

Но о судьбе нетленных мощей Иннокентия — особый сказ. Вот так на русской земле, в погибающей во тьме невежества Сибири, суждено было стать владыке Иннокентию просветителем и здесь же прославиться во святых.

...А придел Иннокентия (Кульчицкого), где завершилось для нас таинство крещения, начавшееся в Енисее, появился в Успенском храме ещё и потому, что бывал он в городе Енисейске, когда с миссией своей ехал в Китай. И всякий раз, когда я ступаю за ограду енисейского Спасо-Преображенского мужского монастыря, вспоминаю, что вот так же входил в эти древние врата епископ Иннокентий, чтобы после короткой передышки вновь продолжить свой крестный путь.

Сердце рвалось только к этому к храму

Мама моя, отправившись за мужем и моим будущим отцом, сосланным в ссылку на Урал, никогда не думала, что окажется ещё дальше — в Сибири. Она очень хотела по смерти лежать рядом с мужем, могилка к могилке. Уральская земля приняла отца моего навсегда — вдали от родных украинских могил его могила. И маме хотелось навсегда остаться там, на уральской земле, рядом с моим отцом, и в этом явить мужу в последний раз свою верность. Но Господь судил ей умереть в Сибири, в Красноярске.

Уже тяжело болея, с трудом поднимаясь после операции, мама очень хотела попасть в Троицкий храм. Была она в нём всего лишь однажды, зашла в минуту горькой печали и попала на венчание. Замерла у порога, и когда священник произнёс: «Венчаются раб Божий Андрей и раба Божия Ольга...» — не сдержалась, заплакала. Родители мои, Андрей и Ольга, так и не повенчались, но этот

миг утешения мама не могла забыть, устремляясь всем сердцем к старинному храму на Покровской горке. И Господь исполнил её желание. Но только по смерти.

Странным образом рухнули все наши замыслы относительно места её захоронения, и оказалась мама похороненной на Троицком кладбище. И отпевали урождённую Кульчицкую в Троицком соборе. И где? В приделе святителя Иннокентия (Кульчицкого)... Как и владыка Иннокентий, мама была из рода Кульчицких, как и он, родилась на Украине, как и для него, сибирская земля стала для неё последним пристанищем. И вот она в той церкви, куда так устремлялась её душа, в Иннокентьевском приделе, тихо спит, окружённая иконописными ликами этого святого, и отпевает её в эти последние минуты пребывания на земле батюшка — отец Андрей...

Сразу же после смерти мамы ко мне пришла, словно с небес послали, дореволюционная икона Иннокентия Иркутского. Надпись на её обороте свидетельствует, что освящена она на мощах святителя в иркутском Вознесенском монастыре 24 января 1896 года. Через сто четыре года, 7 января 2000-го, в день Рождества Христова, эту икону, пережившую не одну революционную и военную бурю и целую эру безбожия, заново освящали на мощах святителя Иннокентия, но уже в иркутском Знаменском монастыре, так как Вознесенский был практически уничтожен.

Инокиня Вероника, которая по моей просьбе повезла икону в Иркутск, рассказывала, как, не смотря на праздничное столпотворение и наплыв верующих, не имея надежды подойти поближе, оказалась она неожиданно у самых мощей святого и как иркутский батюшка, прочитав надпись на обороте, долго держал икону на открытых нетленных мощах святителя Иннокентия...

Прославление и низвержение святителя

Но вернёмся к его посмертной судьбе. Явленные через тридцать три года после смерти нетленными мощи иркутского святителя так и не признали святыми, хотя чудеса исцелений возле них и случаи его небесного заступничества были явные. Случилось это в Москве, возможно, тут же и прославили бы его во святых, а Сибирь далеко. В 1783 году, в Неделю всех святых, Вознесенская обитель сгорела, не тронул огонь лишь деревянную Тихвинскую церковь, где был погребён владыка Иннокентий. Какое ещё нужно свидетельство его святости? Народная слава его росла, не только архиереи, даже заезжие сенаторы стали хлопотать о том, чтобы прославили первого иркутского епископа во святых, но сдвигов не было.

Лишь в 1801 году, через семьдесят лет после погребения, состоялось второе освидетельствование

мощей, которые по-прежнему оставались нетленными, но и это не возымело действия на верховные власти! Может, потому, что происходила смена власти: убийство императора Павла, приход на престол Александра Первого. И только в 1804 году с его высочайшего императорского соизволения Святейший синод объявил, наконец, о прославлении Иннокентия (Кульчицкого) в сонме святых.

Более ста лет подряд текла река верующих к нетленным мощам святителя, и казалось, что так будет до скончания века. Но в январе 1921 года свершилось неслыханное святотатство. Мощи были вытащены из храма на публичное поругание. Когда иркутские большевики, пользуясь раздутой непомерно среди православных верой в нетленность мощей всех святых, открыли гроб с останками святителя, почившего почти двести лет назад, они испытали шок: тело его и на самом деле было нетленным! Епископ Киренский Борис (Шипучин) свидетельствовал об этих событиях: *«Облачение и одежда сняты, нетленное тело обнажено и оставлено в храме открытым. Церковь заперта. Богослужения прекращены. Монастырь охраняется красноармейцами»*. Потом под горький плач верующих святыню тайно увезли в неизвестном направлении.

Потом уже узнают люди, что попал сподвижник Петра Первого в Москву, где некогда преподавал, в чудовищный музей Наркомздрава на Петровке, 14. Это был «собор» шестидесяти останков знаменитых русских святых, в том числе и сибирских. Но в начале тридцатых годов атеистический музей закрыли, а поскольку всё делалось втайне, никто не знал, что же случилось со святынями. А они были спасены музейными работниками. Как? Об этом подробно рассказывает Олег Бычков в своей статье «Непопранная святость: возвращение мощей святителя Иннокентия» («Роман-журнал XXI век», №8/2000).

В 1939 году эта святыня попала в другой антирелигиозный музей — в Ярославле, что разместился в храме Ильи Пророка. Когда в шестидесятые годы Хрущёв стал добывать недобитые церкви и Ильинскую определили под снос, музейные работники перенесли все святые мощи в подсобное сырое неотапливаемое помещение в церкви Николы Надеина. На нетленном теле одного святого была прикреплена табличка: «Естественно мумифицированный труп человека», — более ничего не значилось, но между собой этот «экспонат» ярославцы упорно называли «сибирской мумией». Узнав об этом, правящий иркутский архиерей епископ Вадим предположил, что это и есть нетленные мощи святителя Иннокентия. Но где взять доказательства тому?

И они пришли. Готовя выставку в честь тысячелетия крещения Руси, работники Иркутского краеведческого музея (опять же музейные!) обнаружили описание изъятия у церкви святых

мощей Иннокентия Иркутского с фотографиями. Сотрудники кафедры судебно-медицинской экспертизы Ярославского медицинского института сделали свои описания, сверили с «большевистскими». И они совпали! Так святитель Иннокентий Иркутский, проехав всю Россию с запада на восток, после долгого изгнания вернулся в 1990 году в Сибирь, в город, имя которого он носит и по сей день.

И были чудеса: было явлены архиерейские одежды, парчовая фелонь, где на подкладке написано, что в 1727–1731 годах её носил святитель Иннокентий. И даже крест его, спасённый верующими при изъятии мощей, вернулся к святителю.

Первое свидание

Были и в моей жизни события, удивительные тем, что выпадали они на дни почитания святителя Иннокентия (Кульчицкого), иркутского чудотворца. И так захотелось поехать к нему, поклониться ему, поблагодарить за тот небесный покров, что προσταивает он надо мною. И вот летом 1995 года, когда ещё жива была мама, отправилась я на свидание к своему святому «сородичу». Хотела поехать к нему непременно прямо на свой день рождения. Но, к моему горькому сожалению, мне это не удалось. И вдруг в свой день рождения я узнаю: в Иркутске землетрясение! Вот так святитель взял и уберёт нас с ребятишками от такого страшного испытания.

...В городе было много шиповника. Он склонялся ветвями к синим водам Ангары, трепетно охраняя церковные пределы. Благоухая розовыми и белыми цветами, он возвещал, что нежность и любовь не ушли из этого мира. Но через какие шипы надо прорваться, чтобы ощутить эту любовь и нежность! Цветущий шиповник стал с тех пор символом Иркутска для меня.

Такой же дивный аромат витал в стенах Знаменского кафедрального собора. Над золотистой ракой святителя Иннокентия сиял образ Божией Матери «Знамение»... Пышные пионы вокруг напоминали о садах родной его Малороссии. А стоящий рядом раскосый мальчишка с крестиком на шее напоминал об апостольском подвиге просветителя всех народов, живущих на сибирской земле, и о первых его школах, основанных для монгольских детей. Потом появится монахиня-бурятка и немало прихожан с азиатским разрезом глаз.

Поездка на поклонение к святому — не путь, усыпанный цветами, терний порой вонзается в душу куда больше. Но остались в сердце не они, а лёгкость и радость после встреч со святителем Иннокентием у его раки, добрые советы на исповеди багюшек — верных его служителей — и подаренный на прощание недолгий разговор со старейшей монахиней монастыря матушкой Гавриилой. Шестнадцатилетней девочкой в 1918 году пришла она в этот монастырь, претерпела изгнание

из него. И казалось, уж не будет возврата. Но запахнула врата монастыря и призвала её Матерь Божия обратно в родные стены. «А теперь уж зовёт домой...» — спокойно говорила нам матушка Гавриила. Она-то помнит, как оплакивали потерю святителя и как со слезами радости встречали его в Иркутске почти через семьдесят лет расставания.

В те дни епископ Иркутский Вадим призвал всех относиться к святителю Иннокентию как к национальному достоянию: *«Хочу выделить две знаменательные вещи: епископ Иннокентий (Кульчицкий), человек высоконравственный и образованный, основал Иркутскую и Нерчинскую епархии в 1727 году, когда в этих краях царила анархия, процветали воровство и пьянство, убийство и насилие. Святитель Иннокентий приложил много сил, чтобы поднять нравственный уровень в первую очередь духовенства, которое мало чем отличалось от окружающих. И возвращение святителя, его святых мощей по-своему символично: ведь он явился к нам тоже в очень трудные времена, как и тогда, в 1727 году».*

Когда мы приехали в город, неожиданно пошёл дождь, тут же сменившийся ярким солнцем. И когда уезжали, дождь снова пошёл, совсем неожиданно! Так не раз бывало во время поездок в святые места. Дождь был как благословение с небес нам и детям нашим... Красивый старинный вокзал, мокрый перрон — и тихий прощальный плач в душе. Так бывает, когда покидаешь что-то родное. И мокрым было моё лицо не только от дождя.

«Он просто ждал тебя!..»

И ещё раз был в моей жизни иркутский вокзал, и ещё одно свидание со святителем Иннокентием (Кульчицким), когда в 2007-м улетала я в Польшу, на родину далёких моих и его родичей. Поездка эта

свалилась на голову как дар Божий. Но, прежде чем ступить на польскую землю, оказалась я... у святителя Иннокентия (Кульчицкого). Дело в том, что именно в Иркутске находится польское консульство, и оттуда идут чартерные рейсы на Варшаву. Поскольку оказалась я в этом городе неожиданно, поскольку уезжали группой и всё шло строго по графику, времени на поездку в Знаменский монастырь практически не было. Но я рискнула, взяла такси и помчалась по неузнаваемо похорошевшим улицам, сияющим золотыми куполами. Я мчалась мимо восстановленного памятника государю-императору Александру Третьему к памятнику адмиралу Александру Колчаку, которого прежде не было, да и не могло быть.

Памятник адмиралу стоит совсем неподалёку от входа в монастырь, величественный, красивый. Поклонилась Александру Васильевичу и поспешила в Знаменский собор. Служба давно уже закончилась. В храме никого не было, кроме послушницы в свечном ящике. Подошла к раке, она была открыта, припала с благодарностью за то, что принял меня владыка Иннокентий, попросила благословения на это «сентиментальное путешествие на родину предков» — так его назвали сами поляки, пригласившие нас в гости. Радостная от нечаянной встречи, без всякой надежды спросила в свечном, есть ли отдельный акафист святителю. «Есть», — ответила послушница и протянула крошечный акафист с цветной его иконой на обложке. Какое чудо: святитель будет вместе со мной в этой поездке! Вернулась к раке, чтобы проститься... она уже была наглухо закрыта. Удивляюсь до сих пор: как я попала к открытой раке?! «Да он просто ждал тебя!» — сказали мне потом мои спутники.

Они ждут нас, родные наши святые. Только бы в суете жизни не потерять слуха и услышать их зов.